ДОНСКОЙ писатель

№3-2011

Литературная газета Ростова-на-Дону и Ростовской области

С ДНЁМ РАБОТНИКА КУЛЬТУРЫ!

Министру культуры Ростовской области
Резванову А. А.
Начальнику Управления культуры
Администрации г. Ростова-на-Дону
Лисициной Л.П.

Уважаемый Александр Анатольевич!
Уважаемая Людмила Павловна!

Ростовские региональные отделения Союза писателей России, Союза российских писателей, Литературного фонда России сердечно поздравляют с днём работника культуры Вас и в Ваших лицах всех работников министерства культуры Ростовской области, Управления культуры Администрации г. Ростова-на-Дону, а также дончан всех профессий, несущих свет культуры в народные массы: писателей, художников, композиторов, артистов, кинематографистов, учителей, воспитателей и преподавателей детских учреждений и других, работающих на великое и благое дело государства и всех национальностей России, ибо без культуры никакое человеческое общество не может существовать. Мы хотим пожелать всем труженикам культуры здоровья, процветания, благополучия и стабильности, а женщинам ещё и несравненной красоты и обожания.

Воронов В.А., Коломенский М.Ю. Береговой А.Г.

Лебеденко Петр Васильевич

95 лет со дня рождения

(1916-2003)

Родился 20 марта 1916 г. Участник ВОВ. Военный лётчик. Награжден боевыми орденами и медалями. Автор книг: «В дальнем лимане», «Шхуна «Мальва», «Клуб отважных», «Компас», «Навстречу ветрам», «Четвёртый разворот», «Красный ветер» и других. Лауреат премий ВЦСПС и СП СССР за роман «Льды уходят в океан» и СП РСФСР за роман «Чёрные листья». Много лет был председателем правления Ростовской писательской организации Союза писателей СССР.

Вниманию писателей!

Правление Ростовского регионального отделения СПР сообщает, что очередное Общее собрание писателей отделения состоится в субботу 28 мая 2011 года в 12 часов дня в помещении Союза писателей по адресу: Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, 89/94 со следующей повесткой дня:

1. Приём литераторов в члены Союза писателей России.
2. Членство в Ростовском региональном Союза писателей России.
3. Разное.

Отзывы на публикацию

Слово русское, родное

или ещё раз о «великом и могучем»

Нам дан во владение самый богатый, меткий, могучий и поистине волшебный русский язык (Н. А. Бердяев).

Сердцеведением и мудрым знанием жизни отзовётся слово британца; лёгким щёголем блеснёт и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает своё, не всякому доступное умно-худощавое слово, немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и живо трепетало, как… русское слово (Н. В. Гоголь).

Родной язык издавна являлся предметом беспокойной рефлексии для мыслящего русского человека. Еще во времена первых русских князей лучшие умы яростно отстаивали право славянского наречия на государственный статус. Отечественные просветители XVIII столетия, корифеи «золотого» и «серебряного» веков российской культуры беспрестанно рассуждали о лексической уникальности, экспрессивном богатстве русского языка.

Вместе с тем и в те далекие времена, и сегодня авторитетным мнениям противостоит несокрушимая позиция отечественного обывателя, который, как правило, относится к родному языку бездумно и хищнически. Именно об этом пишет один из утонченных ценителей русского слова К. Г. Паустовский, статью которого во втором номере этого года напечатала газета «Донской писатель». Хочется выразить особую благодарность изданию за то, что оно решилось объявить своевременную дискуссию на животрепещущую тему, несмотря на отсутствие громких филологических дат и юбилеев.

Полвека назад К. Г. Паустовский сетовал на засилье жаргонизмов и вульгаризмов в разговорной речи, а также штампов и казенщины – в журналистском языке.

Увы, сегодня картина еще более безотрадна.

Крайне варварское отношение к нашему «великому и могучему» большинства русскоговорящих граждан – закономерный результат девальвации извечных ценностей. И именно поэтому померк нимб национальной святости вокруг русского языка, который высоко чтили такие великие русские, как М.В. Ломоносов и А.С.Пушкин, И.С.Тургенев и Л.Н.Толстой, А.П.Чехов и А.И.Куприн.

К сожалению, глубинное, уже укоренившееся в подсознании пренебрежение к родному языку – явление, свойственное не только молодежи или невежественному обывателю.

Совсем недавно мне довелось дискутировать с одним достаточно просвещенным молодым человеком. «Эрудит» безапелляционно утверждал, что славянский этнос по большому счету не осуществил никакого глобального вклада в сокровищницу мировой цивилизации. То ли дело египтяне, китайцы, греки, французы…

На это я ответила новоявленному «культурологу», что потомкам славян, а в особенности нам, русским, тоже есть чем гордиться. И дело даже не в том, что храм Василия Блаженного по своей художественной ценности находится в одном ряду с готическими соборами, а иконы Андрея Рублева – такие же признанные шедевры, как статуи эллинских богов.

Подлинным, нетленным, неподвластным времени сокровищем является – наш язык. Его ценность неоспорима уже потому, что на нем говорили такие авторитетные для мирового культурного сообщества личности, как Достоевский, Чехов, Солженицын, Сахаров. Не менее важно и то, что именно благодаря языку, мы способны в контексте пространства мировых культур идентифицировать себя как уникальный этнос. Ведь именно в языке сохраняется душа нации. Почти каждый день, употребляя в своей речи такие простые, привычные слова, выражения, как, например, «невеста», «мороз», «позор», «шантрапа», «перемывать косточки», «пройти огонь и воду», «выносить сор из избы», мы даже не представляем, какие драматические перипетии древнего мировоззрения, причудливых обычаев, удивительного быта таятся в них….

Полемика

Наш разговор длился достаточно долго. И, кажется, мне удалось убедить оппонента.

Однако, как известно, в большинстве подобных случаев воинствующее невежество победить непросто.

И тем не менее если мы всерьез озабочены проблемой сохранения русского языка, то должны попытаться внушить юношеству интерес и даже восхищение своим «родным наречием».

Как же это сделать?

Не будет преувеличением утверждать, что сегодня для широкой публики, пожалуй, чуть ли не единственным местом, где созидается, оберегается русское слово, является библиотека.

С полной уверенностью так можно сказать о наших, ростовских библиотеках.

Именно здесь традиционно проходят многочисленные вечера, литературные часы, конференции, «круглые столы», дискуссии, посвященные великим мастерам отечественной словесности. Гостями ростовских библиотек нередко бывают современные столичные и донские писатели.

Календарь памятных дат библиотек пестрит знаменательными днями, имеющими непосредственное отношение к русскому языку: День российской печати, Международный день родного языка, Всемирный день книги, День филолога, День единения славян, Международный день распространения грамотности…

(Окончание на стр.3)

В номере:

«Слово русское, родное»
Полемика
1 стр.
Алёна Саенко
Песня джаза. Очерк
Виктория Можаева
Подойду под причастье огня
Новые стихи
2 стр.
«Средь шумного бала»
Новое имя: Татьяна Шмидт
3 стр.
Алексей Береговой
«Мы же с тобой мужики...»
Рассказ
4 стр.
Василий Воронов
Божий человек. Эссе
5 стр.
Михаил Мун
Навстречу юбилею
Очерк. Окончание
6 стр.
Геннадий Селигенин
Глаза души. Очерк
7 стр.
С днём рождения!
8 стр.

Песня джаза

Как звучит джаз? Визжащим голосом саксофона или протяжными звуками кларнета. О чем рассказывает джаз? О силе ритма, созвучий, о мажорно-минорных настроениях в музыке. О чем поет джаз? Джаз поет о жизни, длинною в песню…

На сегодняшний день джазовая музыка очень популярна в мире. Музыкальные училища и консерватории каждый год принимают талантливую молодежь, которая страстно желает стать популярными исполнителями. Но каждому музыканту нашего города известно, с кого начался джаз в Ростове. А начался он с Олега Константиновича Еремина, талантливейшего музыканта, педагога, писателя и на сегодняшний день заслуженного работника культуры Российской Федерации.

Олег Константинович Еремин родился 17 августа 1920 года в семье молодой пианистки Елены Сергеевны (Саркисовны) Миесеровой и инженера Константина Филипповича Ерёмина. Жизнь замечательного джазиста началась с трудностей и печали. Ещё ребенком он потерял отца. Жестокий сыпной тиф внезапно разрушил небольшую семью Ерёминых. маме Олега Елене Сергеевне было очень тяжело одной с крохотным сыном в те годы. Она давала частные уроки по фортепиано, но это мало чем помогало маленькой семье. Лишь в 1922 году Елену Сергеевну пригласили преподавать в музыкальную школу, а через некоторое время в музыкально-практический институт (нынешнее музыкальное училище).

С самого начала Олег Константинович находился среди музыки. Мама постоянно играла на фортепьяно, и с шестилетнего возраста будущий джазист стал понимать, что музыка – это нечто сокровенное, вызывающие у него то грусть, то радость. В семь лет Елена Сергеевна начала учить сына игре на фортепиано. Но продолжалось это недолго. Маленькому энергичному мальчику совсем не хотелось сидеть несколько часов в день и что-то разучивать.

Музыкальная карьера джазиста началась ещё со школы, когда мальчик стал учиться, а потом и играть в школьном духовом оркестре. И в 1936 году, не смотря на протесты мамы и классного руководителя в школе, Олег Ерёмин поступил в Ростовский музыкальный техникум имени А.В.Луначарского.

Но полюбил джаз Олег Константинович ещё до поступления в техникум. На улицах и в парках Ростова частенько играл молодой джазовый оркестр под руководством Иосифа Стельмана, который и покорил будущего музыканта. Тогда-то и появилась мечта – научиться играть на саксофоне. Поэтому в техникуме Олег Ерёмин учился играть одновременно на двух музыкальных инструментах – саксофоне и кларнете.

А потом началась война. С 1939 года, не закончив музыкального техникума, юный джазист ушел на войну и вернулся с нее спустя лишь одиннадцать лет. Это были сложные годы. Бомбежки, блиндажи, холодные дожди и палящее солнце, вечный запах пороха, пропитавший воздух будто бы навсегда. Но было и то, что спасало, – музыка. Это был военный духовой оркестр, военный джаз, полковой джаз-ансамбль и маленькие концерты на полянах в лесу или землянках. Люди учились заново верить в лучшее вместе с музыкой.

Вернувшись с войны, Олег Еремин продолжал работать в разных оркестрах. В 1955 году он восстановился в музыкальном училище на третий курс. Вместе с ним учились будущие «звезды»: замечательный трубач Валентин Юдин, будущий народный артист СССР Леонард Гатов, талантливый пианист Ким Назаретов и многие другие.

К последнему курсу началась педагогическая деятельность джазиста: он стал преподавать игру на кларнете в школе имени М.Ф. Гнесина. Многие из его учеников в будущем стали профессиональными музыкантами. Среди них Эдуард Гамов, Юрий Ляшенко, Владимир Чапек и многие другие.

После окончания училища Олег Ерёмин создал, ставший знаменитым в Ростове, Большой джазовый оркестр «Импульс», выступавший на многих сценах. И хотя сначала его состав не превышал и десяти человек, через некоторое время оркестр уже приобрел большую известность в городе и завоевал множество сердец молодых талантливых музыкантов.

С 1970 по 1975 год Олег Константинович работал в Ростовском городском управлении культуры, затем – педагогом и завучем в школе им. Римского-Корсакова, где в течение долгого времени он обучал детей на отделении духовых инструментов.

Олег Константинович Ерёмин известен не только как талантливый джазовый музыкант и педагог, но и как способный литератор. На сегодняшний день им издано восемь его книг. Из них наиболее известны книги «Из прошлого ростовского джаза», «Джаз на войне», «Оркестр мой духовой», «По страницам памяти». Молодые джазовые исполнители восхищаются им. Вот лишь некоторые их комментарии из интернет-дневников:

«Джаз – это класс под кружку легкого пива в хорошей компании! Послушать лучше, чем почитать, а Ереёмину просто спасибо, что в такие годы не просто хорошо держится, а пишет книги и чему-то учит молодежь. Уважение ветеранам!» (olenalex)

« Книги Олега Ереёмина любителями будут прочитаны взахлеб! Лично я прочитала с удовольствием!» (elena_naidenova).

В прошлом году Олег Константинович Еремин отпраздновал юбилей – 90 лет. За свою богатую событиями жизнь он успел много сделать в этом мире. Музыка и война формируют из людей не только героев, но и тех, кто способен приносить крупицы счастья человеку. Олег Константинович умел зажигать маленькие звезды счастья в сердцах людей. Поэтому его песня джаза будет звучать всегда, будет говорить о жизни…

Алёна Саенко

Внимание конкурс!

Правление Ростовского регионального отделения Союза писателей России и редколлегия газеты «Донской писатель» объявляет литературный конкурс одного стихотворения или короткого рассказа, посвященный 95-летию со дня рождения Анатолия Вениаминовича Калинина. В конкурсе может участвовать любой желающий писатель или литератор, который захочет предоставить в редакцию газеты свои произведения на электронных носителях (флэш, диск, эл. почта) до 1 августа 2011 года. Итоги будут подведены в августовском номере газеты «Донской писатель», в этом же номере будут опубликованы произведения-победители.

Виктория Можаева

Подойду под причастье огня

***

Моя несчастная Россия,
Моя пасхальная страна,
Легко рифмуется с «мессия»
Святого слова глубина.
Здесь мертвых нет, здесь все живые,
И воскресенью нет конца.
Твои дороги полевые
Связуют дали и сердца.
Горели жаркие поленцы,
Летели щепки и леса.
Тобой крещенные младенцы
В глазах уносят небеса.
Сойди с ума весь мир и тресни,
Забудь свой образ, человек.
А нас твои спасают песни,
Всегда и ныне , и во век.
Перешибают обух прутья
Твоей же мере вопреки.
Не обогнуть твои распутья,
Не разогнать твоей тоски.
Печется время о достатке,
Влечется к сытому теплу.
И только ты опять в остатке
К неизмеримому числу.
Наполнив вечность именами,
Не можешь ты погибнуть зря.
Никто не знал, что будет с нами,
Молитву общую творя.

***

Принимаю всю твою печаль,
Как дитя больное обнимаю,
Словно сердцем ножевую сталь –
Принимаю,
Все твои снесенные мосты,
Все твои разбитые дороги,
Все твои поклонные кресты
И остроги.
Всех твоих невинных стариков
И мальчишек, скачущих на прутьях,
Всех твоих Иванов-дураков
На распутьях.
Все твое богатство и нужду,
Всю твою жестокость и участье,
Все твое спасенье и беду,
Словно кровь Христову на причастье.

***

В пространстве многогранников
Не ходят по прямой.
Не стало в мире странников
С дорожною сумой.
– Да кто вы?
– Мы не местные,
Бредем куда-нибудь.
Мы странники небесные,
Забывшие свой путь.

***

Вся мудрость жизни в том, чтоб жить
сегодня, –
Ни прошлого, ни будущего нет.
Неоспорима лишь любовь Господня,
Все остальное – темнота тенет.
Но гибнет эта мудрость, не сбываясь,
В горячей боли сердца моего:
От прошлого бессильно отбиваясь,
О будущем слезами обливаясь,
Оно для настоящего мертво.

***

Подойду под причастье огня,
Отогреюсь в безмерной любви.
Эта Пасха пришла для меня
И в моей растворилась крови.
А потом налетит суета,
Будут жалить обиды-клопы,..
Но опять Он не сходит с креста
Под насмешливый гомон толпы.
И себе говорю: «Не сходи!
Не посмей эту веру предать...»
Неснимаемый крест на груди,
Незаслуженная благодать.

***

Засыпаю, приникая к звуку,
Глажу крылья ветру-сироте.
Господи, возьми меня за руку, –
Ничего не видно в темноте.
Не хватает ни ума, ни зренья;
Дышит ветер, дует на золу.
Ничего не видно – до смиренья,
Только сердце тянется к теплу.
Уходя от прошлых полузнаний,
Тихо за собой прикрою дверь.
Лунная тропа воспоминаний –
Путь преодоления потерь.
Вот уже седьмую кожу снимешь,
А под нею боль ещё жива.
Не ходи за ними – не поднимешь
В камни превращённые слова.
Стукнет молоток – не перестукать,
Мёртвая тропа – обратный путь.
Только сердцу хочется аукать,
Верить: отзовётся кто-нибудь.

***

Спасает детская улыбка
От леденящего огня.
Совсем расстроенная скрипка
Совсем не помнит про меня.
Обиды мошками кружатся –
Такая, видно, полоса.
Кто не умеет обижаться,
Тому открыты небеса,
Тому известны те дорожки,
Где в родниках свята вода,
Где золотые сыплют крошки
Птенцам, упавшим из гнезда.

***

Живу, не поднимая головы, –
Такая незавидная стезя.
Совсем неотличима от травы,
Которую и вытоптать нельзя.
Которую ни срезать, ни сполоть,
Ни бешеным пожаром не спалить.
Рубцуется душа, меняя плоть,
Саму себя умея исцелить.

ЭКСПРОМТ

Посадили в клетку птичку:
Вот зерно, а вот – вода.
Дали место, дали кличку,
Оградили от труда.
Вот игрушки – пусть играет
Между пением и сном.
Только птичка умирает,
Глядя в небо за окном.

***

Купила деревенщина
Сапожки с каблуком.
Наверно, я не женщина:
Мне легче босиком.

***

За то, что в этом мире отражаюсь,
Как в зеркале туманном лицедей,
Я на людей давно не обижаюсь.
За что же обижаться на людей?

В ХРАМЕ

Она иконку вытирает
И гасит свечек огоньки.
Она немножечко играет,
Движенья медленно-легки.
Монашка с выправкой гимнастки.
Струится солнце из-под век.
В устройстве храмовой оснастки
Она важнейший человек.
А в уши шепчет искуситель,
А тёмный мир грозит бедой.
Но улыбается Спаситель
Её заботе молодой.
Её недлинная дорога
Светла, понятна и проста.
От колыбели – так немного,
и так немного – до креста.

***

Радостью светлой меня удивили
Дни поворота к теплу:
Белые голуби гнёздышко свили
В тёмном чердачном углу.
В ходиках звёздных кукушки
кукуют,
Скоро наступит весна.
Белые голуби важно воркуют
В доме моём допоздна.
Ночь укрывает нас тихо и свято
Тёплыми крыльями сна.
Где-то под кровлей растут голубята,
Славная будет весна.

***

Одуванчиковым пухом полетела
Предиюньская цветущая пора.
Золотые огонёчки чистотела
Загорелись в тёмных пазухах двора.
Для чего мне горевать о доле
женской?
Можно так же сокрушаться о
мужской.
Четверть века не была я
деревенской
И теперь уже не стану городской.
Не лететь мне за высокими
мечтами,
Не ходить мне по асфальту, как
по льду,
А сидеть мне с лопухами и
цветами
Майским утром в зеленеющем
саду.
И любить мне это небо, это поле,
Эту землю, на которой и умру,
Размышляя о чудесной женской
доле,
И о бережно творимой Божьей
воле,
И о маленькой пушинке на ветру.

***

К земле прибитые гвоздями
Не устают молить и ждать.
Сменилась засуха дождями –
Вот это вправду благодать!
Ликуют люди земляные,
Звенит крестьянская душа.
Бывают радости иные,
А им и эта хороша.
Когда бежит вода за ворот –
Вот счастье у людей моих!
И не люблю я гордый город
За то, что он не любит их.

«Среди шумного бала...»

Стихи гимназистки-девятиклассницы Тани Шмидт попали ко мне через третьи руки, и это показалось добрым предзнаменованием. Значит, юная поэтесса не одинока, у неё уже есть и литературная среда, и наставники. В её родном Новочеркасске это творческий клуб «Взлёт» и его руководитель Анатолий Чекулаев, в Ростове – знаменитое областное литобъединение «Дон» во главе с Игорем Кудрявцевым, так что Татьяне есть с кем и посоветоваться, и, возможно, поспорить. Отстоять, скажем, цветущее «ариозо топора» или акварельно размытую границу между верлибром и рифмованным стихом…

Несмотря на «школьный» возраст у Татьяны уже имеются призы, которых она удостоилась не только на ростовских конкурсах, но и на Всероссийском литературном конкурсе «Ночь. Улица. Фонарь», посвящённом памяти Александра Блока. Надеюсь, предлагаемая публикация добавит к ним и приз читательских симпатий. *Николай Скрёбов*

Татьяна Шмидт

ЧТОБЫ МУЗЫКА ГРОМЧЕ ЗВУЧАЛА

***

Мы верили в руки-крылья,
Забравшись поближе к небу,
И прыгали раз за разом
С ветвей молодого дуба.

Носили с собой гитару –
А ну как заглянет муза?
Гитаре петь не хотелось –
Она расслабляла струны

Строчили что-то в тетрадках –
Сейчас уже и не вспомнить.
А детство пахло горелым
Попкорном кинотеатра…

Пришли в этот мир из сказок,
Искали пути обратно.
Но с книжных страниц сходили
Герои иных историй…

Мы бегали по аллеям
Забытого ныне парка,
Водили гулять собаку,
Уставшую улыбаться.
Смотрели ночами в небо –
И это было чудесно.

Мир детства

В этом мире мы живём,
Любим, ссоримся, поём…
Иногда тихонько плачем,
Иногда сидим вдвоём…

Дорогие сердцу книжки,
Куклы, зайцы и слоны,
Письма редкие братишки
Из далёкой Костромы…

Угощают шоколадкой –
Запах слышен за версту.
Во дворе играют в прятки,
В салки, в классы и в лапту.

Детство – дивная страна…
Удивительна она!
Повзрослеют скоро дети,
Но запомнят годы эти…

***

Нынче ночью я замёрзла
В первый раз под одеялом…
Это значит, что наступят
Вновь большие холода.

И кленовые листочки
Будут тихо-тихо плакать,
Оттого что им, беднягам,
Не воскреснуть никогда…

Сны

Сны приходят ко всем
Из волшебных миров.
Отражения чувств
И не сказанных слов…
Видят сны короли,
Их шуты и народ,
Видят те, кто всегда
Знает всё наперёд.

Ветер спит в облаках –
Видит ветреный сон.
Он про всё позабыл,
Он в кого-то влюблён…
Вот уж много веков
В речке дремлет вода…
Только небо не спит.
Никогда.

***

Мне хорошо, когда родные дома,
Когда бормочет тихо телевизор,
Когда свет лампы тени разгоняет
В уютно-мягком шелесте страниц.

И тишина, как стая ярких птиц,
Рождает мысли лишь о том, что
важно…
Пусть всё это закончится однажды –
Я знаю твёрдо: в мире счастье
есть.

***

...Скрип несмазанных дверей,
И гитары старой звук.
Шум на улице утих,
И заснуло всё вокруг.

Тень в углу, огонь свечи,
Голос сгнивших половиц,
А в корзине под столом –
Пара бабушкиных спиц…

Слышно: в будке у ворот
Громко лает старый пёс.
Видно, косточку нашел
И забыл, куда унёс.

А природа ждёт рассвет,
В небе – полная луна.
И летят сосульки с крыш.
Скоро март.
Почти весна.

***

Льёт лёгкий полуденный ливень,
Ему подпевает река;
Звенишь, как орфеева лира,
От прежних забот далека.

Лежишь, улыбаясь устало,
На мягкой перине из трав…
Ты ветер за гриву поймала,
У солнца сиянье украв.

***

Будет август... а может, сентябрь
И закат за витражным окном.
Мой гружённый словами корабль
Полыхнёт желтокрылым огнем.
А пока… а пока я мечтаю
Жить в глуши и читать до утра.
Чтоб в тиши дровяного сарая
Ариозо цвело топора,

Чтоб в тени старых сосен – качели,
Уносящие ввысь, к облакам,
Чтоб деревья под ветром звенели,
Целый мир мне бросая к ногам!

Душно

Пламя свечи –
Ослепительно яркое.
Ночь за окном –
Темнота многоцветная.
И одеяло –
Пуховое, жаркое –
Душит меня,
Словно жуть
Предрассветная.

Плотным сукном
Мои сны обращаются,
Даже луна
Смотрит как-то
Неискренне.
Мысли в коробку одну
Умещаются,
Кажутся редкими алыми
Искрами.

Пахнет фиалка ночная
Пугающе:
Талой водой и
Увядшею зеленью.
Тихо вокруг,
Лишь часы угрожающе
Меряют время,
Да сразу неделями.

Слово русское, родное

Особо знаменательной датой для библиотек является День славянской письменности и культуры. Каждый год 24 мая ростовские библиотекари принимают участие в церемониях возложения цветов к Поклонному Кресту на улице Пушкинской, крестных ходах, книжных фестивалях.

В библиотеках также проходят мероприятия, посвященные истории русского литературного слова. На уроки православной культуры, исторические экскурсы, познавательные часы приглашаются представители духовенства, ростовские филологи, литераторы. Подавляющая часть аудитории – дети и подростки. И, поверьте, это самая благодарная публика. С большим интересом юные читатели узнают о великой миссии святых книжников Кирилла и Мефодия, размышляют о том, «откуда есть пошла» письменность на Руси, участвуют в познавательных играх, конкурсах.

В работе ростовских библиотек по популяризации русского языка особое место занимают мероприятия, приуроченные к юбилейным датам выдающихся представителей отечественной лингвистики, филологии. Ежегодно в библиотечно-информационном центре, носящем имя величайшего российского просветителя, проходят Лихачевские чтения. Большой отклик у читателя получили виртуальные путешествия, электронные презентации, интеллектуальные игры, посвященные «радетелям языка российского» разных исторических эпох: И. Федорову, В. Далю, С. Ожегову.

Многообразна каждодневная, кропотливая творческая работа ростовских библиотек по популяризации русского слова. И главным во всей этой деятельности является не только повышение уровня языковедческой компетенции читателя, а воспитание у него подлинного уважения, искренней любви к родному языку.

«Наша речь – последний эфир, который объединяет нас в единое поле, укрывает страну своим покрывалом», – так очень точно и образно утверждает молодой талантливый литератор Федор Ермошин. И, действительно, положа руку на сердце, признаемся себе, существует ли для нас, русских, сегодня какая-либо другая духовная субстанция, одинакова доступная для интеллекта любого уровня развития, равно объединяющая представителей каких угодно социальных слоев? Так зачем же искать какую-то иную национальную идею? Русский язык – наше общее уникальное достояние. И если мы хотим остаться великой нацией, то должны и обязаны бороться за чистоту и богатство родного слова.

Марина Кравченко, главный библиотекарь организационно-методического отдела Центральной городской библиотеки им. Горького МУК «Ростовская-на-Дону городская ЦБС»

От редакции: Мы предлагаем читателям продолжить дискуссию на эту актуальную тему.

Алексей Береговой

«МЫ ЖЕ С ТОБОЙ МУЖИКИ...»

рассказ

– Эй, Санек, – хрипловатым голосом позвал Шашков.

– Да? – Санька лежал на траве в тени домика и от нечего делать лениво грыз вяленый тараний хвост.

– Сгоняй до моторки, залей бензину да воду вычерпай.

– Чё, пойдем куда? – недовольно поднял выгоревшие брови Санька, тряхнул патлатой шевелюрой.

– На остров сбегаем. Ондатру глянуть надо.

– Дак вечер уже, и суббота.

– У нее субботы нету. А ты пошустри, раз хочешь быстрее. – Шашков сдвинул на затылок форменную егерскую фуражку, прищурился на Саньку. – Давай, давай...

Солнце висело низко, подзолачивая темно-изумрудную гладь протоки. От большой воды иногда тянуло прохладой, и тогда, казалось, пряталась где-то в пойме жара, растворялась в зарослях камыша и густой луговой травы, ждала момента снова выпрыгнуть и палить, палить все кругом своим горячим дыханием.

Маленький белый домик охотбазы участка примостился в тени трех больших акаций. Перед домиком сочно зеленела спорышом просторная лужайка, дальше притулился кособокий дощатый сарай со «всякой всячиной». Узкая тропинка через камыш вела к воде, заканчивалась шатким, отполированным волнами и босыми ногами деревянным причальным мостиком. У мостика ткнулись носами в ил паровесельная фанерная кайка и дюралевая лодка с подвесным мотором «Вихрь».

Над поляной сонно прогудел шмель, сделал над Санькой пару кругов и, не удостоив его вниманием, скрылся за углом сарая.

Осенью Саньке в армию, и сейчас он «добивал» лето в помощниках старшего егеря участка Виктора Шашкова.

Скоро придет машина – егерь Федор привезет продукты для базы, бензин, – можно было бы окунуться напоследок и уехать домой на машине. А тут – «на остров сбегаем!»

Сегодня в хуторском клубе танцы. Соберутся нарядные девчонки, показно бесшабашные парни, и – есть там одна... Санька давно ее приметил. Верой зовут. Училась она в городе, на выходные приезжала домой, приходила в клуб. Нравилась она Саньке очень, но не ладилось у него с ней пока...

Недели Санька проводил на базе, но по субботам исправно ездил в хутор – увидеть на танцах Веру.

«Эх, пивка бы щас!..» – с сожалением подумал Санька, размахнулся, закинул голый хвост в камыши. Длинноногий и загорелый, он нехотя поднялся, взял в сарае весла с моторки, канистру с бензином и медленно пошел к воде.

Он всегда любил поездки на моторке, делал все быстро и старательно, но сейчас, когда должна была прийти машина... А вдруг уедет, не дождется? Нужно будет петлять поймой, километров десять пешком... «Нет, – старался успокоить себя Санька, – Шашкова дождется обязательно!»

Он залил бензин в бачок, поставил пустую канистру на мостик, жестяным черпаком начал выбрасывать воду из лодки. Воды скопилось не так уж много. Она переливалась по днищу под деревянным настилом и лишь на корме покрывала его пальца на три. Снимать настил Саньке не хотелось.

– Подтекает где-то, зараза! – вслух выругался он. – Да ну ее! Все одно завтра вычерпывать. Ее тут чуток, а на остров сгонять – час дела!

Он был уверен, что Шашков тоже ждет машину. Степная муха жиганула Саньку в голую спину, он шлепнул себя ладонью и снова беззлобно выругался.

На тропинке послышались шаги, на мостик вышел Шашков.

– Ну как? – спросил он.

– Нормально!

Шашков прыгнул в лодку, на корму, рядом с мотором, вода плеснула ему на туфли, он посмотрел на них, сказал сердито:

– А, вода?!

– Да тут ее немного. То она от прыжка плюхнула. Я черпал, черпал и не успел всю...

– Смотри у меня, Санька, – перебил его Шашков, – будешь драить лодку целиком.

– Завтра вымою,– поспешно заверил его Санька, – и настил высушу...

Шашков дернул шнур, мотор разом взревел. Санька, сидя у руля, сбавил обороты, дал задний ход. Лодка запенила воду и, поднимая со дна черный ил, стала медленно отходить от мостика.

Шашков доверял Саньке управлять моторкой. Федор – нет, а Шашков доверял. Однажды Санька упросил его порулить чуток да так и остался у штурвала, а Шашков в тех пор всегда сидел на корме и командовал, точно капитан. Это очень нравилось Саньке, и скоро он уже считал, что ладит с моторкой совсем не хуже Федора.

Развернув лодку, Санька включил передний ход, дал полный газ. Дюралька выставила из воды острый нос и, распуская за собой широкий пенный след, понеслась по протоке. Вода под ней сразу сделалась твердой, с редкими ухабами небольших волн, ударяясь о них, моторка вздрагивала, рассыпала брызги и, словно не считая удары серьезными, мчалась дальше.

Широкая волна треугольником расходилась по протоке, раздвигая сонную, застывшую воду цвета бутылочного стекла, с плеском раскачивала заросли камыша по берегам. Пара диких уток, напуганная ревом мотора и плеском волны, бесшумно поднялась над протокой и, перелетев ее, скрылась где-то в стороне водохранилища.

Остров с норами ондатры делил протоку у выхода в водохранилище на две неравные части. Дальше, за островом, до самого горизонта расстилалась, сверкая на солнце, широкая водная гладь.

Моторка летела вдоль протоки к маленькой бухточке в середине острова, где всегда высаживался Шашков, когда работал там.

В ста метрах от берега Шашков заглушил мотор, Санька сел на весла. Он выгреб к бухточке, ткнул лодку носом в голый глиняный бугор у самой воды, истоптанный, изрытый кабанами. За бугром – тропинка сквозь густые заросли. Шашков прыгнул на траву, исчез, растворился в куширях.

Остров сплошь покрыт камышом, колючим кустарником. Только на самой его середине обнажались песчаные высотки с мягкой и сочной травой, на них шелестели листвой на свежем ветерке десятка два больших, старых ив, среди них, точно пастух над стадом, одиноко возвышался, невесть как попавший сюда, громадный пирамидальный тополь. Может, поэтому остров и назывался Пастушьим.

Слева и справа от Пастушьего – за пределами протоки – расположились еще два маленьких безымянных островка, тоже заросших, только ивы на них были низкими и корявыми, а потому совсем не выделялись на темной зелени кустарника.

На Пастушьем у Шашкова двадцать восемь нор ондатры, в большинстве из них есть малыши.

Солнечный диск переместился к водохранилищу, совсем низко висел над горизонтом, слепил бликами, отраженными зеленоватой водой. Шашков появился из камыша бесшумно, мягко шагнул в лодку. «Ходит тихо, что зверь!» – восхищенно подумал Санька и спросил:

– Ну чё?

– Порядок!

– Домой?

– Заодно глянем раколовки.

Санька недовольно поморщился, но промолчал. Спорить ведь бесполезно. Он вытащил весло, оттолкнулся им от глиняного бугра. Мерно покачиваясь, лодка стала отходить от берега.

Теперь они мчались вдоль острова к широкому выходу в водохранилище, где, перечеркнув протоку белым пунктиром поплавков, стояли раколовки. На полпути Шашков несколько раз подряд глянул на солнце, оно показалось ему странно красноватым, и махнул рукой Саньке: гони, мол, быстрее.

У поплавков мотор заглушили. Санька подгребал ближе, Шашков тянул за бечевку, поднимал раколовку и считал раков, записывая что-то в блокнот. Некоторых он бросал в лодку, остальных вытряхивал за борт. Потом заряжал раколовки и опускал их в воду, стараясь взять метров на пять ближе к острову.

Шквал налетел внезапно.

Он ударил из-за оконечности острова, и сразу же вода в протоке сделалась мутно-свинцовой, поверхность ее взбугрилась, загриватилась грязно-белой пеной, полетела в лодку крупными холодными брызгами, а там, вдали, со стороны большой воды, на них быстро надвигалось что-то огромное и темное. Небо разом затянулось серой дымкой, в полосы которой проваливалось багровое солнце.

– Волна идет! – крикнул Шашков, бросаясь к мотору.

Он дергал шнур, но мотор почему-то не заводился. Он дергал снова и снова, мотор постреливал и глох, чего прежде с ним не случалось. А первая волна метра в три высотой уже катилась в протоку.

– Ставь носом, носом ставь!.. – сквозь свист ветра кричал Шашков, судорожно накачивая бензин, но Санька уже отчаянно греб одним веслом, разворачивая лодку.

Волна ударила глухо, без плеска. Нос лодки вздыбился, полез на волну, и в это время... В это время Шашков, намертво цепляясь за борт лодки, увидел, как вся накопленная моторкой вода ударила разом в корму и тяжелый двигатель стал оседать, медленно проваливаться. Мимо него, через ноги Шашкова, хлынула в лодку широкая, темно-свинцовая струя.

Он еще держался за боковой поручень лодки, чувствуя, как вместе с кормой проваливается в жуткий, темный холод, потом вскочил, но бежать было некуда, и он подумал лишь о том, как бы не уйти под воду вместе *с* лодкой. Инстинктивно перебирая руками по борту, он стал карабкаться к носу лодки и увидел, что Санька повис на поручне козырька. С плеском и каким-то тяжелым грохотом мимо него сыпались в воду решетки настила, ключи и еще что-то, бачок с бензином больно ударил его по ноге. Став вертикально, лодка с хлюпаньем погрузилась в воду вместе с ними.

Шашков хотел крикнуть Саньке, чтобы тот плыл в сторону, но не успел, хотел сам оттолкнуться от лодки, но не оттолкнулся, хлебнул солоноватой воды, задохнулся и уже выпустил было борт, но тут почувствовал, как моторка медленно и очень тяжело, словно растягивая чудовищную резину, стала подниматься. Она вынырнула, Шашков едва успел хватить воздуха, как новая волна швырнула лодку в пучину.

Лодка опять всплыла, волны снова и снова топили ее, но она продолжала упрямо подниматься, и тут Шашков понял, что она не утонет и в этом, возможно, их спасение. Воздух в носовой части дюральки не давал ей пойти ко дну, и лодка превратилась в скачущий по волнам поплавок.

«Только бы не было дырки в носу», – подумал Шашков, почти физически ощущая, как из какой-то очень маленькой дырочки в обшивке понемногу выходит воздух и лодка грузнет, грузнет...

Постепенно Шашков перебрался повыше, где в обезьяньей хватке болтался на причальной веревке Санька. Веревка якоря – трака гусеницы, – тоже привязанная к носовой скобе лодки, струной уходила в воду, но прыгала вместе с моторкой – якорь дна не доставал.

Шашков вытащил из чехла охотничий нож и, выбрав момент, с трудом перерезал веревку. Ему показалось, что лодка немного приподнялась, и он отметил это с удовлетворением, словно все дальнейшее зависело от этого: сумеет или не сумеет он справиться с веревкой.

– Держись, Санька! – при очередном всплытии попробовал крикнуть он ободряюще. Санька в ответ только кисло и виновато улыбнулся.

Шашков не понял, слышал ли он его, и потому крикнул еще:

– Держись, Саня! Надо немного продержаться! Нас прибьет к берегу! Старайся быть напротив меня, чтобы не кренить лодку!

Теперь Санька услышал, уперся ногами в скользкий борт лодки, медленно перебираясь на веревке к противоположному от Шашкова борту. Лодка выровнялась, и волны перестали накрывать ее полностью. Только иногда налетала особо большая волна, и тогда снова казалось, что лодка уже не всплывет, так тяжело и глубоко уходила она под воду.

Скоро Шашков почувствовал, что вода, потоками бегущая с его тела при каждом выныривании, все меньше защищает его спину от холодного, пронизывающего до костей ветра, начинает вызывать сырую, промозглую дрожь. Лучше всего было пока не обращать на это внимания, и он как мог «старался не мерзнуть».

Он намотал до локтя обрезок веревки, высунулся из воды, насколько хватило сил. Так было труднее держаться, зато волны теперь меньше захлестывали лицо и стало легче дышать. Он боялся лишиться возможности говорить – потерять возможность общаться с Санькой.

Неожиданно для себя он глянул на берег, на миг ему показалось, что берег отодвинулся. Он глянул на остров. Остров – тоже... Показалось? С растущим страхом Шашков посмотрел на берег еще раз и отвернулся. Уносит... Или нет? Ведь волны идут к берегу вдоль протоки! Может, плыть, пока не поздно? До острова метров триста. На волнах они превратятся в девятьсот. Санька не вытянет. Он ему не сможет помочь. Надо держаться, пока не стихнет...

Он еще не догадался (или не хотел догадываться) о том, что ветер нагнал в узкую протоку очень много воды, она не успевала проходить меж высоких берегов, и потому там, внизу, образовалось встречное течение. Тяжелый мотор попал в это течение и теперь тащил их медленно, но непрерывно.

– Саня, – позвал Шашков, – как ты там?

– Д-держусь, – отозвался Санька, – т-только х-холодно...

«Еще не скис, – подумал Шашков, – молодчина!»

Они не заметили, как стемнело. Просто пелена на низком небе как-то разом почернела, и все вокруг пропало в непроглядной темени, будто кто бросил на них плотное покрывало. Резко усилились звуки шторма. Они не видели друг друга, и Шашков стал опасаться, что Санька утонет, а он долго не будет знать об этом.

– Санек, – закричал он тревожно, – ты, родной, отзывайся, подавай голос!

– Х-холодно, д-дядь Витя, и р-рука снемела сов-всем...

Ты руку смени, обвяжи другую, а ногами работай, греби. И свободной рукой тоже. Теплее будет.

– Т-тяжело, д-дядь Вить... Одежа мокрая. М-може, скинуть?

– Штаны скинь, а рубаху – нет. На ветру задубеешь...

Они снова замолчали. Ветер забивал им рты солоноватыми брызгами, и на крик уходило много сил. Оба понимали уже, что силы нужно беречь, – они еще им могут пригодиться.

Заметно увеличились волны, и Шашков, почувствовав глубинный холод водохранилища, с тоской подумал о том, что теперь их может гонять ветер сколько угодно, до тех пор пока лодка не затонет.

В свои тридцать восемь лет Шашков никогда еще не думал о смерти. Не думал о ней он и сейчас. Только мысль о том, что все так нелепо вышло, что по его беспечности они попали в столь глупое положение, не давала покоя, вызывала досаду и горечь. И еще он боялся за Саньку. Уберечь его молодость, его наивную веру в жизнь было сейчас для Шашкова главным, и потому, захлебываясь и яростно отплевываясь, он продолжал кричать нечто бодрое, даже похожее на веселое, напряженно вслушивался в черный грохот шторма, радовался, слыша слабый Санькин голос.

Позже он увидел красный свет ракеты. Увидел так далеко, что невольно содрогнулся и перестал думать о дальнейшем. Нужно было только вынести эту болтанку на привязи, продержаться, пока утихнет ветер, а там будь что будет. Тускло засветилась вторая ракета, потом – третья, и Шашков вяло пожалел, что не взял с собой ракетницы. «Теперь хоть знаю, куда унесло», – тоскливо думал он, глядя на догорающий свет ракеты.

Потом скис Санька. Он был спиной к берегу, ракет не видел, и Шашков был рад этому, потому что Санька неожиданно завопил:

– Д-дядь Вить! Г-де же-е б-берег? Стоим мы, ч-чё ли? Не м-могу-у я б-больше, п-пальцев не чу-ую...

«Если б стояли!» – почему-то злорадно подумал Шашков, меняя руку. В освобожденную руку тотчас же впились тысячи крохотных злых иголочек, их частые горячие уколы показались Шашкову приятными.

– Скоро, Санек, скоро. Я уже вижу камыш, – соврал Шашков и тут же пожалел об этом: Санька мог броситься вплавь к камышу.

Но Санька не бросился. Он только слабо отплевывался, ныряя вместе с лодкой, да часто и мелко дрожал, постукивая зубами. Тело его превратилось в комок, слитый с причальной веревкой. Рук он почти не чувствовал, зато болели бока от ударов о металл лодки. Ему было впервые

(Окончание на стр.8)

Василий Воронов

БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК

эссе

У меня много записей разных лет о Борисе Примерове. После его кончины я стал собирать и обдумывать свои заметки. Образ Примерова не давался, ускользал. Я не мог соединить внутренний мир поэта с его бытовой безалаберностью, нелогичностью, неприкаянностью. Многие люди из его окружения понимали его как Божьего человека. Жалели, подыгрывали ему, подтрунивали. Никогда не говорили, тем более не спорили с ним без снисходительной улыбки.

Плохо говорит, заикается, слюни текут в бороду. Смеется – захлебывается, подвывает. Ходит боком, приволакивает ногу. Что с него взять? Он и остался в восприятии современников как Божий человек. Стихи же у нас читают мало, еще меньше перечитывают и думают.

Примерову повезло после смерти. На родине, на Дону, его помнят и чтят. Есть маленький музей. Есть библиотека его имени, каждый год в станице Мечетинской проводятся Примеровские чтения. У школьников складывается свой образ поэта. Красивого, голубоглазого певца своей земли, любившего цветы, мать, майскую степь, рассветы и лошадей. Сродни златоглавому Есенину или кудрявому Блоку. Что ж, слава Богу! Это лучше, чем забвение. Сколько замечательных поэтов – современников Примерова канули безвестно, забыты навсегда, могилы заросли чернобылом…

В 1998 году я говорил с бывшей женой Примерова Надеждой Кондаковой. Многие и сегодня считают ее повинной в смерти поэта. У нас давно повелось во всех несчастьях писателей винить их жен. Не берусь и не хочу говорить об этом. Помню глаза Кондаковой, глядящие на меня в упор:

– Можно ли было остановить вулкан?

Я потом часто вспоминал ее слова и, кажется, глубже понял Примерова.

В годы войны маленького Бориса контузило. Взрывная волна от авиационной бомбы шмякнула его об стенку сарая. Мальчик остался инвалидом. В дальнейшем контузия эта спасала и сохраняла нам поэта.

С детства он был амбициозен, ревнив и задирист. От чрезмерных эмоций случались припадки. Судьба хранила его. Среди богемы в Литературном институте. В хмельных поэтических застольях. В непримиримой вражде литературных группировок. В бесплодной зависти ближайших друзей.

Борис привык к поведению Божьего человека. Маска приросла к лицу. В жарких спорах, в идейных дискуссиях куда ему было до речистых ораторов! Он никогда не выступал на собраниях, пленумах, съездах. Сидел подремывал, томился и помалкивал. Эмоции прорывались только в близком кругу. Иногда посередине шутливого товарищеского разговора вскакивал, мотал головой и делал отмашку рукой:

– Дерьмо!

– Что дерьмо? Кто?

– Все дерьмо!

И уходил раздраженный, сильнее обычного приволакивая ногу.

Если же ему что-то нравилось в разговоре, в самой компании, он светился от счастья и, захлебываясь, говорил:

– Гениально!

– Что гениально, Боря?

– Все гениально!

Если бы ранимый и чувствительный Примеров принимал активное участие в поэтической богеме и все воспринимал бы близко к сердцу, мы рано потеряли бы поэта. Страсти в нем кипели нешуточные. «Вулкан». Божий человек спасал его.

Потертый засаленный пиджачок, приспущенные мятые штаны, не чесан и не мыт как следует. Детская улыбка, грустные глаза. Кто бы

поверил, что перед нами воочию один из лучших лирических поэтов России!

Я стучу о ржавый короб
Трав осенних, серых плит.
Я голодный тощий голубь,
Высотой своей убит.

Художественное мышление Примерова было глубоко, предметно, прозорливо. Он был книгочей и знаток среди знатоков. Это знала вся литературная Москва. У него брали справки, консультировались литературоведы и критики. Читал наизусть Державина и Тредиаковского, Ломоносова и Аввакума.

Мы не были друзьями с Борисом, но дружески общались много. Приезжая в Ростов, Борис обязательно заглядывал в журнал «Дон», где я был тогда главным редактором. Давал новые стихи, рассказывал московские новости. Помню разговоры о Шолохове. Примеров высказал мысль, что «Тихий Дон» не проза, а эпическая поэзия, музыка. И стал развивать ее горячо, страстно.

– По форме, может быть, симфония. С колокольным звоном, с молнией и громом, с хоровым пением, с жаворонком, с ревом бури и трелями канарейки. Читай вслух – каждое предложение законченная музыкальная фраза. Музыка и синтаксис!

– Как «Слово о полку Игореве».

– Как «Вечера на хуторе…», как «Вий»…

И пошло! Мы щелкали, как соловьи.

Принес он мне как-то одну московскую газету с публикацией своей статьи о «Тихом Доне». Вернее, о женских образах в «Тихом Доне». Я подивился примеровской трактовке. Суть в том, что автор обвинял Аксинью и Дарью в распущенности, в разрушении семьи. И – как символ – в разрушении казачества, державы.

– Дарья бесплодна, Аксинья разрушила две семьи. У Шолохова просто так ничего не бывает.

Я возражал. Ведь образы Аксиньи и Дарьи – поистине шекспировской силы. Характеры, красота, очарование…

– Бесплодная красота, вредная красота!

Его, пережившего женскую измену, я не мог переубедить. Нотки женоненавистничества все чаще проскакивали в его взглядах даже на знакомых женщин.

Борис однажды жил у меня на даче в Рогожкине несколько дней. Он очень внимательно осматривал нехитрое хозяйство, расспрашивал, близки ли грунтовые воды и заливает ли участок при низовых ветрах, есть ли дома на продажу и сколько стоят. Потом рассказал свою историю.

Кажется, вначале 80-х годов он решил уединиться на родине, где-нибудь на берегу Дона, в глухом хуторе. Ростовские друзья посоветовали ему хутор Донской, близ Азова. Борис купил настоящий казачий курень с летней кухней, с сараями, с большим огородом. Работал с желанием, с азартом. Посадил картошку, помидоры, огурцы, тыквы, кукурузу. Завел два десятка кур, десяток уток. Зажил по-крестьянски, радовался каждому дню. Ему позавидовал бы граф Толстой. Забыл про Москву, про измену. Может быть, и началась бы новая жизнь для поэта. В глуши, на острове, где звери и птицы не боялись человека. Где восходы и закаты солнца превосходили по красоте и торжественности любой московский театр, любое действо, созданное человеком.

Не знал, не учел Борис разрушительной силы близкого моря, Таганрогского залива. Когда издалека, от турецкого берега, задувал западный ветер, то черноморская волна нагоняла, давила и поднимала азовскую воду, устье Дона. Среди лета или среди зимы Дон выходил из берегов и затапливал близлежащие хутора и станицы. Хутор Донской первым встречал разрушительную низовку и по самые крыши оказывался под водой.

Однажды Борис стал свидетелем потопа. Едва живой от страха, он почти сутки просидел на чердаке. Молился, читал стихи. Прощался с жизнью, видя вокруг себя пенистые буруны и слыша заполошные крики женщин, плач детей.

Он уже не хотел жить в хуторе и вскоре продал обветшавшее и запущенное после потопа подворье за бесценок.

Последним пристанищем для поэта стал небольшой домик в подмосковном Переделкине. Борис рассказывал, как он получил эту дачу: «Вызвал Суслов, член Политбюро, на Старую площадь, в свой кабинет. Долго разглядывал меня, я разглядывал большой кабинет с книгами.

– Ваш талант нужен советскому народу, – сказал Суслов.– Мы решили поддержать и поощрить ваше творчество. Вам выделяется дача в Переделкине. Работайте на благо народа. Есть одно пожелание: у вас в стихах присутствуют религиозные мотивы. Надо избегать этого.

– Вы считаете, что бога нет? – наивно спросил Примеров.

– Бога нет! – мрачно сказал Суслов.

– Зачем же бороться с тем, кого нет?

На этом аудиенция закончилась. Примеров был причислен к полезной для советской культуры когорте.

Божий человек знал себе цену. Хорошо знал также, кто чего стоит в современной поэзии. Всего три-четыре имени называл, выделял из сонма стихотворцев. В том числе Николая Рубцова, однокашника по Литинституту, соперника в творчестве. Они шутя-серьезно состязались, ревниво следили друг за другом. Почти одновременно закончили институт, одновременно выпустили первые, вторые и третьи книжки. Печатались в одних изданиях. Оба неприкаянные, беззащитные пилигримы. И погибли оба безвременно, безрассудно…Оба стали большими русскими поэтами.

Женился Примеров по любви, я слышал это от самого Бориса и от его жены Надежды Кондаковой. Любви страстной, может быть даже преувеличенной Борисом.

– Борис читал мне наизусть Державина, – вспоминала Надежда Кондакова, – я отвечала Державиным. Он – «Фелице», я – «Бог», он – «Снигирь», я – «Водопад».

Державин привел их под венец. Борис выбрал самую красивую девушку в Литинституте. Я видел Надю тогда, в начале 70-х. Высока, стройна, черная коса заплетена по-старинному, до пояса. И умна, и талантлива. Борис в брачном оперении токовал, как глухарь. Он был счастлив, он жил на небе.

Увы, семейная жизнь не удалась. Жена ушла к другому…

Были у Бориса связи с другими женщинами? Наверное, были. Мимолетно и тускло. Они не нашли отражения в его жизни. Я был свидетелем одного увлечения Примерова в Ростове. Это было в начале 80-х. Она – высокая волоокая красавицу с иконописным ликом. От нее исходило сияние. Она писала стихи, начинала печататься в Москве, Примеров способствовал этому. Сочиняла музыку на свои стихи и пела под гитару высоким голосом. Пела в клубах, библиотеках, в студенческих общежитиях. Сольные концерты проходили в филармонии. Её знал весь Ростов. Я не омрачу её памяти, назову только инициалами И. Б.

Однажды я встретил её в Ростиздате заметно расстроенной. Спросил, в чём дело. Мы были друзьями.

– Мне нужно поговорить, иначе сойду с ума.

В больших влажных глазах какая-то очумелость. Вышли на балкон.

– Ты хорошо знаешь Примерова? – У неё дрожал голос.

– Я не могу пересказать… Он предлагал мне жить с ним Я не стала даже слушать. Тогда он начал угрожать и оскорблять… Боже, что он говорил! Я убежала, не помня себя.

Бедная И.Б. попала не в добрый час. Однолюб Примеров переживал семейную трагедию и пытался ухватиться даже за соломинку. О любви к И.Б. не было речи, ему нужна была жертва, любовница. Он не понял, что попал на редкий экземпляр порядочности и целомудрия. И.Б. – натура хрупкая, восторженная, обожествляющая поэзию и творца. Услышать же из уст обожаемого творца матерщину было равносильно катастрофе. Нечто подобное и произошло. Бедная И.Б. перестала петь и появляться на литературных мероприятиях. Много позже я случайно встретил её на улице. О Примерове – ни слова. Торопливо рассказала о себе. Вышла замуж, родила дочь. Муж – научный работник. работает учительницей, всё у нее хорошо. Но не было света в глазах, уверенности в голосе. Вскоре она умерла от рака.

Борис Примеров был сражен, сломлен распадом страны. Еще кровоточила семейная драма. Он продолжал писать, но стихи походили на плач, на прощание: «Боже, верни мне советскую власть». Последнее, что оставалось – попробовать примирить бушующий Кроакатау в груди

«Эх, залётные!»

Критические заметки о двух произведениях воронежского писателя Михаила Фёдорова «Песчаный лог» (ж. «Дон» №9-10, 2010 г.) и «Наташа, Натарья… сестра милосердия из Гудауты» (ж. «Дон» № 11-12, 2010 г.)

«Песчаный лог» Михаила Фёдорова опубликован на шести журнальных страницах под странной, похожей на юридическую, рубрикой: «Свидетельство», – то есть, это не рассказ, не очерк, не что-то ещё из литературных жанров, но будем надеяться что это произведение, залетевшее к нам с севера, наверняка соответствует высокому уровню журнала «Дон».

Читаем текст «Песчаного лога» (выделен полужирным шрифтом): **«Воронеж немецкие танки захватили с ходу. Их командование** *(понимать надо: командование танков – танки-генералы, танки-полковники и т.д. Здесь и далее курсив мой. – В.Д.)* **не знало, как докладывать Гитлеру, ведь в планы немцев захват города не входил** *(уверенность автора в планах немцев не подтверждается никакими документальными данными, можно только гадать, как он получил сведения о них и о том, что «командование танков» не знало, как докладывать Гитлеру. Видимо, автор почерпнул эти сведения в частной беседе с кем-то из «танков-генералов», и потому уверенно свидетельствует.)*. **И выбей наши войска тогда этих** *(каких? речь пока шла о танках)* **танкистов, немецкому командованию** *(уже не танков, а немецкому)* **было бы даже проще.** *(Во как! Никому оказался не нужным славный русский город Воронеж! Ни нашим – оборонять, ни немцам – захватывать.)* **Но немцев не выбили. А когда они закрепились** *(зачем, спрашивается, если город брать не хотели?)*, **выгнать их стало гораздо труднее** *(кто бы сомневался?)*. **Немцев мимо Воронежа в направлении на Кавказ и Баку** *(видимо, они шли от Москвы)* **гнал бензиновый голод.** *(Почему бы его не использовать, чтобы всё-таки выгнать?)* **Они по рюмкам(!) собирали топливо** *(интересно, по каким рюмкам было разлито это топливо, где они их находили и как они сливали из них топливо?)* **– ведь самолёты не могли летать!** *(интересное открытие автора!)* **Немцам нельзя было замедлить движение на юг, к нефти.** *(Сколько раз уже об этом писали в разных книгах и изданиях!)*. **И к Волге, чтобы перекрыть нам доступ к топливу. Ведь наши баржи шли непрерывным цугом (!)** *(«Цуг» по-немецки – поезд. Непрерывный цуг, это, наверное, поезд, замкнутый в круг. Ещё лошадей запрягали цугом. В любом случае это предполагало определенную сцепку. Но баржи – непрерывным цугом, значит, закольцованное в сцепку большое количество барж, – это что-то новое в судовождении. Или элементарная литераторская безграмотность.)*. **А вот Воронеж** *(а что ещё, если «А вот»?)* **обороняло всего четыре полка НКВД. Но кто это были? – охранники, конвойники** *(нет, не конвоиры, таких автор не знает)*… **Они** *(кто? уж не полки ли и роты?)*,

(Окончание на стр. 8)

Навстречу юбилею

(Окончание. Начало в № 2 - 2011 г)

В марте 1923 г. библиотека была включена в сеть государственных книгохранилищ, получавших от Книжной палаты в обязательном порядке по одному экземпляру всей книжной продукции, выходящей в стране. С этого времени появился мощный и систематический приток книжных пополнений.

В 1923 г. начинается формирование библиотеки по краеведению при книгохранилище. В 1924 г. крайэкономсовет ассигновал около 5 тыс. руб. для пополнения краеведческого отдела. На эти средства было приобретено несколько книжных собраний частных владельцев. Наиболее крупным и ценным из них стало собрание, принадлежавшее известному знатоку народов Кавказа бывшему генералу Эсадзе, жившему в г. Тбилиси. Приобретенная библиотека содержала 2000 томов. Газета «Молот» в конце 1924 г. даёт такую оценку библиотеке им. К. Маркса: «Из небольшой библиотеки типа провинциальной публичная библиотека выросла в высший книжный центр края». В ней появились новые отделы, расширился круг читателей. Доминирующая в дореволюционные годы просветительская функция библиотеки сменилась пропагандистской.

Краевой научный совет «с целью облегчить каждому работнику трудную задачу собирания материалов по различным вопросам краеведения предложил краеведческому отделу Донской публичной библиотеки им. К. Маркса сосредоточить преимущественное внимание на библиографии Северного Кавказа». В эти годы Донская библиотека, единственная на Северном Кавказе, получала обязательный экземпляр всех изданий Российской Федерации. Библиографическое бюро Донской библиотеки представило в научный совет перспективный пятилетний план библиографических работ по Северному Кавказу, но материальные затруднения, которые испытывала в те годы библиотека, не позволили его осуществить. Было составлено библиографическое описание материалов 1925 г., касающихся Северного Кавказа. Собранный материал предполагалось публиковать на страницах журнала «Северо-Кавказский край» в виде периодических обзоров.

В 1926 г. фонд библиотеки им. К. Маркса пополнился книжными памятниками. Его жемчужиной стала рукопись XVII в. «Книга Большому чертежу, что сделан в разряде новом, чертеж всему Московскому государству, городам, полю и рекам и всяким полевым именным урочищам, 1635 года». Об этом уникальном приобретении в газете «Молот» писали: «Опись эта не что иное, как описание отдельных маршрутов по рекам и дорогам, причем составители маршрутов обозначили встречающиеся по пути селения, мосты, броды...» Составлена опись впервые в 1627 г. и в том же столетии размножалась путем переписки для практических надобностей. Рукопись была приобретена в Москве, и ее подлинность подтверждена историком, профессором Северо-Кавказского государственного университета И. П. Козловским. Она имеет большое значение, как для становления русской картографии, так и для краеведческой деятельности библиотеки, так как «в ней имеется три значительные главы: 1) роспись реке Дону; 2) Дон; 3) роспись реке Терек».

В конце 20-х годов библиотека переживала период творческого подъема. В 1927 г. она получила 40 тыс. книг и журналов от Центральной государственной книжной палаты, и в 1928 г. общий объем фонда библиотеки составил свыше 300 тыс. экз. Отдел краеведческой литературы имел около 10 тыс. томов. Ежемесячно в библиотеку поступало до 5 тыс. экземпляров новых изданий. В 1928 г. по объему фонда библиотека им. К. Маркса занимала седьмое место в СССР и второе в РСФСР по количеству книжных изданий.

В 1931 г. библиотека насчитывала до 500 тыс. томов книг. Национальный отдел библиотеки располагал книгами, изданными на 67 языках народов СССР, из них 24 – на языках народов Северного Кавказа.

20 июня 1931 г. на заседании президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета принято решение о реорганизации Ростовской-на-Дону библиотеки им. К. Маркса в Северо-Кавказскую государственную библиотеку им. К. Маркса. На протяжении десятилетия, вплоть до начала войны, регулярно ставился вопрос о расширении площадей для библиотеки, но так и не был решен. Вот выдержка из статьи в газете «Молот» тех лет: «Из общей массы книг учтена только часть. Остальные лежат ещё в подвалах не разобранными. Ежемесячно библиотека пополняется тысячами книг, и еще через год наступит катастрофа, некуда будет девать книги, не то что разбирать их. И все, что создано огромным трудом, может погибнуть. Уже теперь стоит ребром вопрос о постройке специального помещения для книгохранилища».

В 1937 г. архитектором Хачатуром Христофоровичем Чалхушьяном был разработан проект нового здания библиотеки, который так и не был осуществлен.

К началу Великой Отечественной войны фонд библиотеки насчитывал 806 тыс. печатных единиц. Значительно пополнился фонд библиотеки уникальными книгами. Наиболее ценные из них – речи Цицерона, его «Эпистолы» и «Риторика», изданные в Париже в 1538 г., первые издания собраний сочинений русских писателей XVIII в. Особую ценность представляли трагедия В.К.Тредиаковского «Деидамия», напечатанная «первым тиснением» в 1775 г. и «Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе» А. П. Сумарокова в десяти частях.

В октябре 1941 г. на территорию области вошли немецкие войска, 21 ноября был оставлен Ростов. Рискуя жизнью, библиотекари Варвара Наумовна Грушко, Вера Редичкина и Виктор Рощин спасали книги от уничтожения. Они спрятали книги в малоприметную нишу на втором этаже и заложили ее кирпичом. Для полной конспирации к стене придвинули массивный шкаф. Тайник не был обнаружен, и после окончания войны ценные книги вновь вернулись к читателям.

Библиотеки города представляли значительный интерес для нацистских организаций, занимавшихся вывозом культурных ценностей. Большую часть книжных собраний города сохранить не удалось. Музеи и библиотеки стали полем деятельности зондеркоманды «Ростов» оперативного штаба А. Розенберга.

Полгода фашистской оккупации Ростова нанесли фонду библиотеки огромный ущерб. Было сожжено здание филиала библиотеки. В огне пожара погибло около 300 тыс. книг, в том числе весь фонд иностранной литературы – 60 тыс. томов, фонд литературы на языках народов СССР – 90 тыс. томов, книги индивидуального абонемента – 25 тыс. томов, а также вся дореволюционная периодика и советские журналы с 1918 по 1935 г. издания. Кроме того, изъята часть краеведческой, военно-технической, медицинской литературы и из фонда редких книг.

В 1945 г. закончилась проверка книжных фондов, начатая в 1944 г. Книжный фонд насчитывал 574,9 тыс. экземпляров книг, в том числе на русском языке – 540 тыс. В течение 1945 г. фонд библиотеки пополнился на 67,4 тыс. печатных единиц. В этот период библиотека располагает фондом около 4 тыс. печатных единиц редких изданий, в том числе первое полное собрание сочинений Вольтера на французском языке, рукопись XVI века по ботанике, составленная при Петре Первом карта строительства Волго-Донского канала и др.

В 60-е годы фонды быстро росли, старое здание уже не отвечало потребностям библиотеки. Часть фондов приходилось распределять в подвалы города.

Первый камень нового здания был заложен в 1974 г. Автором проекта стал архитектор Ян Семенович Занис. Новое здание библиотеки открыло двери для читателей лишь в 1994 г.

В 1992 г. библиотека получила новое имя – Донская государственная публичная библиотека.

Федеральное агентство по культуре и кинематографии
Российская библиотечная ассоциация
Российская национальная библиотека
Российская государственная библиотека

ДИПЛОМ

Всероссийского конкурса научных работ по библиотековедению, библиографии и книговедению за 2006-2007 гг.

присуждается

Коллективу авторов-составителей Донской государственной публичной библиотеки Ростовской области:

Агафонову А.И., Аистовой Н.К., Бородулиной Н.В., Желябовской А.В., Колесниковой Е.М., Первуниной Н.В., Шалочка Е.А.

- за Сводный каталог редких и ценных книг библиотек Ростовской области: Русская книга гражданской печати (1715-1800)

Председатель жюри,
Начальник Отдела библиотек
Управления культурного наследия,
художественного образования и науки — Т.Л. Манилова

Члены Оргкомитета

Генеральный директор РНБ — В.Н. Зайцев

Генеральный директор РГБ — В.В. Федоров

Библиотека сегодня

Сегодня Донская государственная публичная библиотека – центральная библиотека Ростовской области, старейшее книгохранилище Юга России, крупнейшая среди центральных библиотек Российской Федерации. Она является информационным, общественным и культурным центром области, осуществляющим свою деятельность на базе многопрофильной публичной библиотеки.

ДГПБ – член Российской библиотечной ассоциации и Торгово-промышленной палаты Ростовской области. Победитель Всероссийского конкурса «Окно в Россию» 1998 г. в номинации «Библиотека года».

Этот современный универсальный центр с 5-миллионным фондом, большим выбором периодических изданий, обширной справочно-библиографической базой и возможностями Интернета неизменно привлекает внимание публики.

Новые информационные технологии и свободный доступ к информационным ресурсам – основа популярности ДГПБ. Ежедневно более 2 тысяч человек посещают библиотеку, около 2 миллионов документов ежегодно библиотека выдает своим пользователям.

Информационные ресурсы ДГПБ имеют историко-культурную значимость и уникальность не только для Ростовской области и Юга России, но и для страны и мира в целом. Особой гордостью является краеведческая часть фонда – первый атлас реки Дон, составленный ближайшим сподвижником Петра Первого, географом и историком Корнелиусом Крюйсом, книги В.Д. Сухорукова «Историческое описание Земли Войска Донского» и А. Ригельмана «Географическое описание крепости Дмитрия Ростовского» и «История, или Повествование о донских казаках... отколь и когда они начало свое имеют...», коллекция книг издательства Н.Е. Парамонова «Донская речь», коллекция книг и журналов по казачьему зарубежью, кавказская коллекция и т.д.

Развиваясь как общедоступный информационный центр, ДГПБ определяет в качестве основной своей задачи расширение путей получения информации и видов предоставляемых услуг.

В современной структуре информационной деятельности библиотеки ведущее место занимают информационно-библиографический отдел и отдел деловой информации, которые совмещают функции справочного бюро и информационно-аналитической службы.

Отдел деловой информации главной целью своей работы считает активизацию участия в создании единого информационного пространства для донских производителей товаров и услуг, установление с ними прямых связей путем формирования соответствующих информационных ресурсов и обеспечения оперативного доступа к ним

деловых и предпринимательских кругов, широкой информационной поддержки предприятий, малого бизнеса в городе и области.

Для создания условий качественного и оперативного обеспечения официальной правовой информацией заинтересованных физических и юридических лиц, общественных организаций и объединений, органов государственной власти и местного самоуправления на базе отдела создан публичный центр правовой информации. Основные принципы деятельности центра – общедоступность и открытость, полнота и достоверность предоставляемой пользователям информации, регулярность и оперативность обновления правовых баз и коллекции адресно-справочной литературы.

Расширились международные контакты ДГПБ. В библиотеке функционируют Американский информационный центр, зал французской культуры, немецкий читальный зал.

ДГПБ – один из крупных досуговых центров г. Ростова-на-Дону. На ее базе проходят кинофестивали (немецкого, корейского, японского, индийского кино, «Российский киносеанс»). Существует более 20 абонементов и клубов для пользователей библиотеки. Наибольшей популярностью пользуются: «Мой XX век» (о наиболее выдающихся деятелях культуры и искусства), «Мой город: путешествие по Ростову во времени и пространстве», музыкальный салон Сусанны Арабкерцевой, киноклуб «АРС», театральная гостиная, в рамках которой действует театральная студия сотрудников ДГПБ «Все свои». Многогранна выставочная деятельность – персональные и коллективные выставки изобразительного искусства, прикладного мастерства, детского рисунка, книжные тематические выставки.

Библиотека является лидером среди областных учреждений культуры в области информатизации. Автоматизированы основные библиотечные процессы, отделы библиотеки объединены в локальную сеть, формируются электронный каталог и базы данных общим объемом свыше 360 тыс. записей, создан вебсайт библиотеки, оцифровываются наиболее ценные издания редкого фонда в целях расширения доступа пользователей к источникам информации и обеспечения сохранности документов, осуществляется электронная доставка документов удалённым пользователям.

В 1999 г. в библиотеке открыт электронный зал на 10 мест при поддержке Института «Открытое общество», а в 2002 г. число мест расширилось до 20 за счёт открытия на базе электронного зала Центра открытого доступа к Интернет в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет», поддерживаемой представительством некоммерческой корпорации «Прожект Хармони, Инк.» Читатели получили возможность доступа к Интернет, базам данных на CD, собственным базам данных ДГПБ, а также к полнотекстовым базам «Научной электронной библиотеки».

Издательская деятельность ДГПБ представлена ежегодным краеведческим библиотечно-библиографическим журналом «Донской временник», библиографическими указателями – «Таможня», «Литература о Ростовской области», «Наука о Кавказе», «Малое предпринимательство», методическими изданиями в помощь организации деятельности библиотек.

В последние годы активизировалась деятельность ДГПБ по корпоративному взаимодействию с центральными библиотеками Южного федерального Округа. Ведется работа по созданию сводного каталога «Русская книга о Доне и Северном Кавказе с 18 века по 1920 г.» и проектом «Справочный фонд Юга России», создан CD-ROM «Кавказский календарь третьего тысячелетия», проводится обучение специалистов краевых, республиканских, национальных, муниципальных библиотек Юга России на базе ДГПБ. В апреле 2001 г. на базе отдела консервации библиотеки создан Межрегиональный центр консервации. Основными направлениями деятельности центра являются: научно-исследовательская, практическая, методическая, обучающая. Заключены договоры о сотрудничестве с 5 библиотеками (Краснодар, Ставрополь, Карачаево-Черкессия, Адыгея, Дагестан). Деятельность центра поддерживается Министерством культуры РФ в рамках федеральной целевой программы.

Высок кадровый потенциал ДГПБ. Среди специалистов библиотеки кандидаты – наук и аспиранты.

Развитию библиотеки во многом способствует партнерское взаимодействие с Администрацией Ростовской области, Министерством культуры Российской Федерации и министерством культуры Ростовской области, Институтом «Открытое Общество», Российским фондом правовых реформ, Институтом Гете, Российским фондом фундаментальных исследований, федеральными библиотеками.

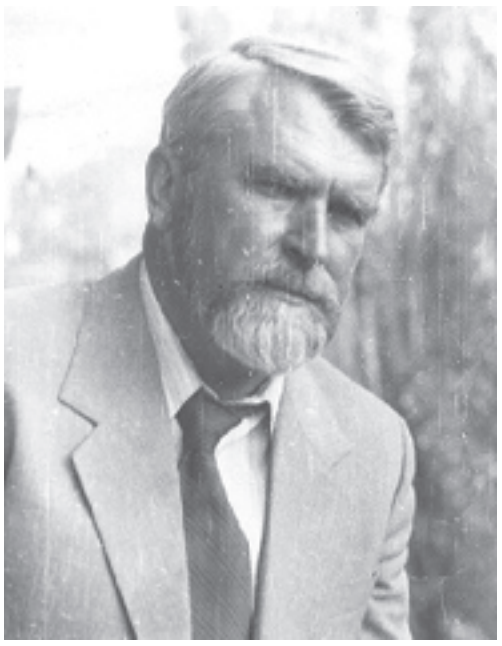
Михаил Мун, заместитель директора ДГПБ

Память

Геннадий Селигенин

ГЛАЗА ДУШИ

Очерк



Мы выходим из электрички, переправляемся через Мертвый Донец, и нам открывается луговое приволье. Низина, некогда заливаемая весенними половодьями, сказочные нерестилища… увы, сохранились лишь в памяти местных долгожителей. Кое-где травы уже скошены и стянуты в копны. Минуем пёстрое стадо коров, изгороди летних загонов. Дальше – дикое буйство трав с редкими там и сям деревцами…

Не помню, чья это была затея совершить в познавательных целях пешее путешествие по междуречью Дона и Мертвого Донца – моя или Вани Брюховецкого. Но до конечной отметки – камышовых плавней, что начинаются сразу за Синявской, не менее двадцати вёрст. «Какие-то двадцать!» – самодовольно окорачиваем свои сомнения, тогда ещё изрядно молодые, вроде бы способные и не такое одолеть. Даже если двигаться ни шатко ни валко – за пять-шесть часов осилим. Потому отправляемся налегке – ни воды, ни горбушки хлеба. Дабы не отвлекаться от красот природы. А «красоты» вот они – стоило солнышку забраться повыше.

Травы вперемешку с татарником и иными колючими выскочками становятся гуще. А скорей, нам это только кажется, ибо ноги потихоньку начинают вихлять, потому как выплетать их из травяных омутов всё труднее. Вымарывают силы испарения. А настырная мошкара лезет в глаза, уши, липнет к распаренным телам.

Фактура у Вани рыхловатая и довольно грузная. Он первым тоскует по глотку воды. Она и случается. Иногда травы разбегаются перед топкими музгами, отороченными стрельчатой кугой. Однако голубыми их никак не назовешь, да и запах не тот. Всё же Ваня норовит испить. Но всякий раз остерегаю его жутким примером из сказки про Алеёнушку и братца Иванушку…

Облизывая сохнущие губы, петляем дальше.

Глаза замыливает солёный пот. Из Ванинного горла вырываются страдальческие хрипы, вот-вот готовые перейти в проклятия. И они переходят. Сначала он обвиняет жару и мошкару, потом и меня. За то, что «потянул» его в это дурацкое пекло (хотя, припоминается, идея была всё же его), что не прихватил воды и еды, а он так просил об этом. Возражать – только силы тратить. Ваню это, видно, совсем подкашивает. Он оседает, пытается слизнуть с травинок росу, которая давно высохла. Мне тоже не сладко. Но что толку стенать в два голоса (да хоть в дюжину!) – верст на десять в округе ни души.

Перед Синявской выходим к пересекающей междуречье змейке-речушке. Через неё кинуты жерди. У Вани откуда столько прыти!.. Первым достигает середины, ложится плашмя, черпает воду сложенными в ковш ладонями и… рушится вниз головой. И хотя воды едва по шею, а Ваня плавать умеет, разыгрываю роль спасителя. Больше из желания самому охладиться за компанию…

В те годы мы работали с ним в редакции областного «Комсомольца» и сидели в секретариате, что называется, нос к носу. И вот дня через три после того «путешествия» Ваня протягивает мне «лирический очерк». Читаю и помаленьку «глаза на лоб лезут». Когда и как сумел он *это* увидеть?!

Ваня рассказывал не о нас, не о наших телесных муках, а именно о том, что видел и слышал. Места, по которым мы, запалённые и заморенные, брели, в очерке представали неким оазисом, населённом медовыми травами (он называет их имена), говорившими каждая своим языком и своим запахом. Красочно, однако без ложного пафоса, передаёт своеобразное жужжание насекомых (не мошкары, а пчёл, шмелей и прочих, из благородных), перелетающих с цветка на цветок, голоса и оперение птиц, их повадки… Рисует изумрудные дали с голубыми промоинами… Охват расширяется, образуя цельное полотно. Ощущение, что он дорисовывает его с проплывающего облака. А ведь маялся-то жарой и жаждой поболее моего…

Спустя время побывал у него дома. И увидел на стене вместе с другими пейзажами акварельное изображение луга, протянутого к далеёкой вербе, окроплённой золотом солнца. Подбитый живыми лентами рек, он, как и в очерке, смотрелся с высоты неба…

И я увидел то луговое богатство жизни глазами его души. Таким оно и отпечаталось в моей памяти на всю оставшуюся жизнь. Поначалу малость огорчало, как это сам не проник, не разгадал, не прочувствовал. Ведь Ваня, по сути, ничего не выдумал…

Природа одарила его и другими талантами. По мнению искушённых… В общем, Лемешев и Козловский не отказались бы от его компании. Подпевать ему было настоящим кощунством. Оно, слава богу, и не получалось. Он владел почти всем золотым кладезем русских романсов. И слушать их в его передаче было ни с чем несравнимым наслаждением. Ну и стихи, конечно… Воистину есенинского хмельного разлива, звона и печали, но из собственного родничка.

Конечно, рамки газетной работы немало угнетали. Он пытался выпрыгнуть из них через свою творческую неординарность. Эта неординарность и была его головной болью. Ибо газета (работа в ней) и поэзия, и вообще литература (художественная), – два малопримиримых соседа… Ваня чуял это мятущейся душой и всё чаще ублажал и примирял её известным на Руси способом…

Не раз затевал с ним разговор о великом природолюбе и кудеснике слова – Михаиле Пришвине, пытался сравнением вызвать самоуважение, укрепить дух: «Зорька нежнее щёчки младенца, и в тиши неслышно падает и тукает редко и мирно капля на балконе… Из глубины души встаёт и выходит восхищённый человек с приветствием пролетающей птичке: «Здравствуй, дорогая!». И она ему отвечает. Она всех приветствует, но понимает приветствие птички только человек восхищённый».

Восхищённой душой он понимал и чувствовал и птичку, и зелёный росток, и каплю росы на лепестке… А Пришвин… Ваня довольно прохладно пожимал плечами. Авторская ревность? Возможно. Однако он чуть ли не боготворил Ивана Алексеевича Бунина. Конечно, и Пришвин, и Бунин живописали природу каждый по-своему, но у обоих «глаза души» имели стопроцентное зрение. Профессор Н.И. Глушков как-то поделился: в университете Иван Кириллович Брюховецкий написал о творчестве Бунина такую дипломную работу!.. Чуть поднатужился бы и могла выйти кандидатская. Но… Учился Ваня на вечернем отделении. Учился и работал грузчиком. К тому времени у него было уже двое детей. И… слабость к рюмке.

И в тридцать, и в тридцать пять он сохранял ту богоданную детскость, которая и умиляла, и вызывала горечь, опасение, ибо обнажала абсолютную душевную незащищённость… А столкновение с натуральной жизнью таких, как он, нередко выливалось не только в поэтические откровения и открытия, но и – в жизненную катастрофу.

У Вани порядком накопилось «лирических очерков», и он отправил их в более высокие сферы. Как и всякий начинающий, жил предвкушением публикации.

Проходит месяц, другой, полгода… Ваня не в себе. Переживания глушит вином. Пытаюсь утешить: обычно, если не принимают к печати, – через месяц об этом уже известно. Советую пойти, справиться самому.

В то время издательства являлись для нас чем-то вроде мифических бастилий. Полные надежд, шли мы на их приступ, но уж и трепетали у стен… Было этих литературных «бастилий» не более двух-трех на всю область, а публикация в них в те годы означала некую известность, признание и наличие таланта. А Ваня… Залетает на другой день в хмельном возбуждении: «Приняли! Будут печатать! Всю подборку!..».

Минул год – тишина. На исходе второго вижу Ваню, что называется, с перевернутым лицом. В глазах… Да-а, если честно – не ожидал от него с его бурлацкой фактурой… Эта слеза в его голубых глазах, в глазах наивного ребёнка, жёстко секанула по сердцу…

По радио озвучивали творение известного писателя. Ваня случайно услышал. И буквально «просел». Целые куски его лирических очерков были вклинены в опус литературного мэтра и шли как его собственные. Через неделю – новая передача. И все повторяется… Паническое: «Что делать?!»

Что я мог посоветовать ему, сам «начинающий»?! Подать в суд? Но автор-вор – при литературной власти, к тому же – Ванин благодетель-редактор или рецензент. Да такие вещи тогда и не практиковались (и случай был, можно сказать, исключительный). При том и не в натуре Вани, хоть и сильно ранимой, однако достаточно гордой и независимой, подобное действо. И всё же столь откровенное мародерство сильно ослабило и без того подточенную резьбу…

После почти сознательного ухода из жизни в его рабочем столе обнаружили рукопись повести «Бирюк»… Сочный язык, хорошо выписанные, воистину народные, образы… Опубликовали. Повесть вызвала обильную и заинтересованную почту. Спрашивали, где ещё можно почитать этого автора…

В то время я уже не работал в «Комсомольце», закрутила иная жизнь. Пришло новое поколение. Со своими интересами. Но память о друге жила. Знал, дома у него остались рукописи неопубликованных стихов и прозы. Когда сам немного укрепился на ногах, поговорил в издательстве. Пообещали: если подойдут по уровню, то… Отправился к его близким. Встретили настороженно. Объяснил суть дела. Но тут оказался как раз тот случай, когда природа отдыхает на потомках… Пустили богатство души родителя на затычки…

Чем дальше уходит время, тем ощутимей грусть по канувшему в небытие талантливому самородку.

Алексей Береговой «МЫ ЖЕ С ТОБОЙ МУЖИКИ...»

(Окончание)

по-настоящему страшно на этой знакомой с детства воде, так страшно, что и страха он не ощущал, а только какое-то тупое оцепенение, словно смотрел он в глаза удаву.

Когда налетел шквал и не завелся мотор, он еще не думал об опасности, потому что знал, что делать. Лодка начала тонуть, он рванулся к носу, цепко хватаясь за все кажущееся надежным и крепким, пока не поймал причальную веревку. Он нырял вместе с лодкой, совсем не понимая, что это такое и чем оно может кончиться.

Страх пришел вместе с холодом, темнотою и осознанием того, что эта скверная шутка природы затягивается. За страхом появились слабость и неверие в спасение.

Чувствуя, что окончательно слабеет, и уже не надеясь на ответ, Санька хрипло проговорил в темноту:

– Все, дядь Вить, все... Не м-могу я... Все-е...

Ему вспомнились золотистые Верины кудряшки, вспомнились ясно, но так далеко, словно в хорошем старом кинофильме, и улетели куда-то прочь, и он только снова прохрипел:

– Не могу-у...

Но Шашков услышал этот Санькин хрип, услышал сквозь свист ветра и ярость волн, – его голос он мог сейчас различить в тысячах любых шумов.

– Что-о? – заорал он и, рискуя опрокинуть их шаткое равновесие, стал быстро перебираться по веревке к Саньке. – Га-ад! Я тебе дам – «не могу!» Сволочь! Убью гада! Держись, ядрена вошь!

Он обрушил на Саньку вихри угроз и мата, тот сжался, как от удара, и крепче ухватился за веревку.

Бить его Шашков не стал. Добравшись до Саньки, он обнял его свободной рукой, почти ласково сказал:

– Санек, ветер-то уже не такой сильный, стихает он. Давай еще потерпим, мы же с тобой мужики...

Оба прислушались, посмотрели по сторонам и почему-то сразу поверили, что ветер, точно, стал тише, да и волны как будто – меньше.

Коротки летние ночи. Но этот рассвет, который они ждали – Шашков со страхом, Санька с надеждой, – никак не хотел наступать, мучительно растягивал время, на это клейкое ожидание уходили последние силы.

Сил почти не было. Словно тупое, безжалостное животное, подкрадывалось безразличие. Не все ли равно: раньше или чуть позже? Может, лучше без лишних мучений? Хоть немного дать отдохнуть истерзанным, обожженным мокрой веревкой рукам, распрямиться, расслабиться, сбросить дрожь избитого тела...

Шашков пугался этих мыслей, гнал их прочь и только крепче прижимал к себе полубесчувственного Саньку, упрямо твердил ему и себе:

– Лодка держится, плавает... Все в норме!.. Все будет хо-ро-шо!.. Стихает ветер, стихает...

На востоке чуть посветлело, и наконец появилось мутно-красное пятно. Солнце! Багровые лучи с трудом пробивали темно-серую мглу над бугристой поверхностью водохранилища.

Прошло еще немало времени, и ветер стих так же внезапно, как и налетел. Позолотившийся диск солнца вынырнул из полосы дымки, осветил раскачанную водную ширь, далекую полоску камыша и остров с малюсенькими ивами на макушке.

– Г-где-й-то мы?.. – прошелестел, зажмурив глаза, Санька.

– Далеко, Санек, – стараясь говорить твердо, ответил Шашков, – унесло нас. Но это ничего – берег видно, у Федора есть бинокль. Надо продержаться еще, надо... Теперь уже легче... Найдут нас, обязательно найдут...

Он держался рукой за Санькино плечо, словно боялся, что тот сбежит от него как раз в этот последний момент, и все время смотрел на далекий мысок, за которым скрывался белый домик базы. И говорил, говорил:

– Почти совсем тихо... И унесло не так уж... Ветер все же гнал к берегу... Счас, кажись, идем к базе... Это хорошо, Санек, хорошо...

Санька, красноглазый, со спутанными волосами, только слабо кивал, делая тяжелые попытки улыбнуться.

– Ло-одка! – вдруг закричал Шашков. – Лодка, Санька?

Теперь они четко видели недалеко от мыса маленькую черную точку и, хотя не могли знать, лодка ли это, поверили в нее отчаянно и сразу, с каким-то безнадежным упрямством. Только вот очень медленно, почти незаметно, двигалась она, и снова надежда на скорое избавление чередовалась со страхом, что не хватит сил продержаться как раз в этот последний момент.

– М-может... то... не лодка... – с трудом разлепляя опухшие, солоноватые губы, произнес Санька, – м-може... то брев-но...

– Лодка то, лодка! – подавляя собственные сомнения, снова закричал Шашков. – Ты ослеп? Федор то на каийке, Федор! Отсюда вижу...

Через час Федор, здоровенный тридцатилетний казачина, втягивал Саньку через борт кайки. Шашков помогал ему. Он толкал Саньку в зад и со странным удивлением чувствовал, как рука его, делая толкательное движение, не прилагает ни малейшего усилия. Сейчас, кажется, он не смог бы поднять и двухкилограммовую гирю.

Потом Федор долго вырывал из рук повалившегося на дно кайки Саньки причальную веревку, с которой тот никак не хотел расставаться, и, когда Федор все-таки вырвал ее, Санька вдруг зарыдал громко и безудержно.

Федор помог влезть Шашкову, усадил его на корму, приговаривая: «Как же вы так, эта...» Его смуглое обветренное лицо дышало удивлением, и было непонятно, чему он удивляется: то ли тому, что Шашков влип в такую историю, то ли тому, что моторка не затонула и он нашел их.

– Ничего, Федя, ничего...– тихо сказал Шашков, посмотрел Федору в глаза.

Тот выдавил из себя улыбку, промолчал. Достал из-под банки фляжку со спиртом, дал глотнуть Шашкову, потом – насильно – Саньке. Не спеша привязал концами якорных веревок моторку к кайке и сел на весла. Все он делал размеренно и надежно.

От спирта Шашков почувствовал тепло и какую-то сладостную усталость. Не хотелось шевелиться. Он посмотрел на размякшего и мгновенно уснувшего на дне лодки Саньку, который теперь купался в солнечном тепле и чему-то улыбался, глянул на вечно угрюмого, но очень надежного Федора и понял, что счастлив...

Обратно Федор выгребал более трех часов.

Осенью, перед уходом на службу в армию, Санька заехал на базу. Он привез кольцо деревенской колбасы, бутылку водки, был нервно весел, немного суетился. Когда выпили по стопочке за «ладную службу», он долго мялся, потом вызвал Шашкова из домика покурить и, теребя пальцами кепку, спросил:

– Эта... дядь Вить, вернусь со службы, возьмешь к себе? На работу... егерем или помощником?

– А ты того, не боишься? – улыбаясь, ответил вопросом Шашков.

– Что ты, дядь Витя!

– А мать как?

– Мать уже не ругается. Согласится она. Возьмешь?

– Возьму, если воду будешь вычерпывать...

– Я буду! – с жаром перебил его Санька. – Я теперь ученый!

– Ну тогда возьму точно. Приезжай.

– Приеду обязательно! – обрадовался Санька. – Ты прости меня, дядь Вить, за то...

– Ничего, Санек. Ты парень крепкий, – неожиданно серьезно сказал Шашков. – С тобой можно идти на воду...

Ростов-на-Дону.

«Эх, залётные!»

оружённые винтовками, в день теряли по четыреста-пятьсот человек *(самих себя, что ли, или эти сотни сыпались «у них» из карманов?)*. **Ни танков, ни пулемётов** *(не теряли или что-то ещё?)*. **Не приученные к военному делу** *(конечно же, автор не знает, что военному делу учат, обучают, а не приучают. Приучают собак не гадить на ковёр)*, **они не знали, как обороняться, не знали сил противника…»**

И всё это только в одном, первом абзаце повествования. Ну что, читатель, будем дальше осваивать «свидетельские показания» Михаила Фёдорова из Воронежа или на этом остановимся? Лично мне не хочется впустую тратить время. «Высокое» литературное мастерство автора уже хорошо видно, оно ничего не даст читателю. Автор проявляет литературную безграмотность, не умеет стоить элементарные фразы, не в состоянии передать ясность мысли. Всё небрежно скомкано, смято и потому нечитаемо.

В статье приведена лишь половина первой страницы текста, может, кому-то всё же захочется дочитать его. Попытайтесь. И напишите нам своё мнение о творчестве писателя Михаила Фёдорова. Любое. Газета обязательно напечатает его без купюр и комментариев.

Вильям Донпис, обозреватель.

P.S. Заметки о втором, более масштабном произведении Михаила Фёдорова – «Жизнеописании»: «Наташа, Натарья… сестра милосердия из Гудауты» читайте в следующем номере газеты.

Официально:

Главный редактор журнала «Дон» Виктор Петров обратился в Железнодорожный суд Ростова-на-Дону с иском о защите своих чести, достоинства и деловой репутациик издательству «Донской писатель» и газете «Донской писатель» по поводу публикации в ней статьи «Несостоявшийся юбилей» (№4, апрель 2010 г.). Компенсацию морального вреда заявитель оценил в 400000 рублей.

30 марта 2011 года Железнодорожный суд в своём заседании рассмотрел заявление Петрова В.С. и отказал ему в удовлетворении иска полностью, как не имеющего основания. Материалы статьи были признаны не содержащими порочащих честь и достоинство истца сведений.

С днем рождения!

ПОЗДРАВЛЯЕМ коллег, членов Союза писателей России, Союза российских писателей и членов Литфонда, родившихся в яркие весенние дни:

Лукьянченко Олега Алексеевича (13.03.1948);

Кравченко Александра Александровича (14.03.1955);

Чеботникова Виктора Ивановича (17.03.1935);

Волошинову Любовь Феоктистовну (19.03.1952);

Сущего Сергея Яковлевича с 50-летием (30.03.1961);

Хавчина Александра Викторовича с 65-летием (1.04.1946);

Китаева Николая Дмитриевича (03.04.1953);

Сазонову Ирину Анатольевну (10.04.1955);

Макушкина Виктора Савельевича (15.04.1935);

Калабухову Инну Николаевну (16.04.1933);

Лихоносова Виктора Ивановича (20.04.1938);

Воронова Василия Афанасьевича (22.04.1948);

Пряжникова Александра Владимировича (22.04.1969);

Тютюнника Сергея Петровича (23.04.1960);

Желаем мощного весеннего творческого импульса, несокрушимого здоровья, семейных и прочих радостей!

НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Мухарева Антонина Николаевна –120 лет со дня рождения (1891–1986). Родилась 5 марта 1891 г.

Коркищенко Алексей Абрамович – 85 лет со дня рождения (1926–2009). Родился 2 марта 1926 г.

Автор книг: «Похождение деда Хоботьки», «За Жёлтым ериком», «Полосатые чудаки», «Внуки красного атамана», «Старая лошадь Зина» (по книге был поставлен художественный фильм), «Аинька», «Повесть о лошади». Один из учредителей Ростовского регионального отделения Союза писателей России.

Управление культуры Администрации Ростова-на-Дону поздравляет работников управления – юбиляров марта 2011 года:

с 70-летием:

Чернышёва Владимира Ивановича (14.03.1941);

Партину Аду Абрамовну (30.03.1941);

с 65-летием:

Гребенюк Виолетту Анатольевну (18.03.1946);

с 60-летием:

Давиденко Валентину Николаевну (15.03.1951);

с 55-летием:

Буза Светлану Ивановну (05.03.1956);

Цыганкову Людмилу Фёдоровну (29.03.1956);

Барафанова Валерия Николаевича (27.03.1956);

с 50-летием:

Джумыга Елену Викторовну (01.03.1961);

Шапиро Марину Александровну (01.03.1961);

Смыкову Татьяну Николаевну (14.03.1961);

Майорова Виктора Ивановича (23.03.1961);

Бондарчука Бориса Владимировича (24.03.1961);

Маштакова Сергея Николаевича (27.03.1961);

Крылову О.В. (31.03.1961).

С 50-летием профессиональной деятельности: ***Мирошникову Клавдию Константиновну;***

С 1 февраля 2011 года со всеми номерами газеты «Донской писатель» и альманаха «Дон и Кубань» вы можете знакомиться на сайте ЦБС г. Ростова-на-Дону.

Адрес сайта: www.donlib.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА РОССИИ Донской писатель РОСТОВ-НА-ДОНУ

Газета писателей Ростовской области

редактор *Валентина Данькова*
над выпуском работали:
журналист *А.Саенко*
корректор *Е. Симонова*
верстка *И. Зубковой*
художник *Н. Коновалова*
Номер подписан в печать 31.03.11 г. Тираж 990 экз.
Адрес редакции: 344002, Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, 89/94
т/ф 8 (863)262-03-88, т. 262-08-12
beregovoy@ctsnet.ru
распространяется бесплатно

Общественная редакционная коллегия:

М. Астапенко Т. Аксенова
А. Береговой Н. Бусленко
В. Воронов А. Глазунов
Л. Дьяков А. Можаев
А. Попова И. Сазонова
Н. Скребов Г. Студеникина